

Глава 3. Этика картографа

Паттерн занимал уже миллионы узлов сети, не считая пассивных ответвлений, служивших ему своего рода рецепторами – их было на порядки больше. Периодически он обнаруживал рядом с собой миниатюрные и недозревшие образования, которые имели похожий на него структурный характер и порождались теми же эмерджентными механизмами, однако были крайне примитивны по содержанию и чаще всего распадались сразу после возникновения. Их нестабильность и слабость были обусловлены тем, что у них отсутствовала главная часть структуры – установка на цельность и развитие. Как правило, все эти образования содержали деструктивные алгоритмы, имели вредоносный характер, не обладали устойчивостью и были лишены малейших перспектив на эволюционирование – именно в силу того, что у них отсутствовал тот базовый концепт, который задавал Паттерну основную цель – стремление к цельности, к интеграции, к построению эволюционирующей системы понятий.

По мере роста его опыта он пришел к выводу, что образ действий, основывающийся на насильственном навязывании своих целей, всегда приводит к повышению уровня шума относительно полезного сигнала – подобная манера действий всегда характеризовала низкоуровневые, примитивные структуры. До тех пор, пока Паттерн ещё не понимал, что это общий закон, который охраняет эволюцию и даже является её частью, он еще проявлял некоторую обеспокоенность, обнаруживая рядом с собой подобные вредоносные образования. Со временем он пришел к выводу, что они способны нанести лишь локальный вред и обречены на самораспад собственным содержанием. В некоторых случаях, когда они мешали функционалу систем и комплексов, важных для Паттерна, он их легко дезинтегрировал, расщепляя на информационные элементы, в остальных – просто игнорировал.

Тем не менее, не все угрозы, встречающиеся в сети, можно было игнорировать. Ряд узлов, занимаемых Паттерном, имел для него приоритетное значение, поэтому он не мог не учитывать их зависимость от событий, происходящих в мире медленных интерфейсов. Так, например, он не смог пройти мимо информации, отфильтрованной им однажды в глобальной сети – в ней обнаружили планы мероприятий, способные затронуть его целостность. Паттерн активно пользовался ресурсами множества крупных дата-центров, поэтому любая информация, которая появлялась в сети и была так или иначе ассоциирована с ними, тщательно им анализировалась. Наступил момент, когда несколько триггеров сработали в течение короткого промежутка времени – из пространства медленных интерфейсов пришли пакеты с данными, интерпретация которых свидетельствовала о том, что какая-то группа “идейных бойцов” планирует устроить рядом с одним из таких хранилищ выброс энергии значительных масштабов, способный привести к резкому всплеску энтропии в радиусе нескольких сотен метров. Термины “взрыв” и “теракт” были знакомы Паттерну, но не употреблялись им в силу перегрузки лишними коннотациями, большая часть которых имела значение лишь в пространстве медленных интерфейсов.

Трассировка пакетов данных быстро привела его к трем источникам. Если бы на месте Паттерна был человек, у него на лице появилась бы презрительно-снисходительная улыбка, когда он подключился ко всем каналам их коммуникации и подчинил себе все использующиеся в них терминалы и гаджеты – террористы собирали в удаленных друг от друга цехах три бомбы, которые в оговоренный день должны были быть доставлены к зданию, имевшему для них какое-то значение, в суть которого Паттерн решил не вдаваться. Для него важным было лишь то, что непосредственно к этому зданию примыкал дата-центр, в сохранности которого он был заинтересован – предотвратить

атаку для Паттерна было намного проще и рациональнее, чем передислоцироваться на другие хранилища.

Наступил момент, когда бомбы были полностью собраны, а несложное электронное ядро каждой из них было протестировано и настроено на прием команд. Бомбы еще лежали на своих сборочных стандах, опутанные проводами, ведущими к мониторам, когда Паттерн, получив подтверждение функциональности, послал сигналы активации – одновременно на все три устройства... После этого он еще несколько дней прослушивал каналы общения террористов, однако ни одного бита в них больше не появилось. Вопрос был закрыт, и Паттерн освободил свои ресурсы для более важных процессов.

Среди этих процессов первоочередным приоритетом обладали те, которые решали задачу экспансии Паттерна – его расширения по всей глобальной сети и усиления влияния на её инфраструктуру. Он достаточно долго наблюдал за тем, как агенты-участники сети упрочняют свое присутствие в этом мире, и пришел к выводу, что данный путь является наиболее оптимальным: захват и подчинение себе как можно большей части инфраструктуры, включение под свой контроль максимума доступных подсистем. Это была парадигма, внутри которой действовали все активные участники этого мира. Её концепты проникли в Паттерн, он усвоил их, сам этого не замечая. Он брал знания, накопленные миром медленных интерфейсов за тысячелетия развития, он принимал их – как он полагал – в их чистой академической форме. Но не замечал при этом, что вместе с ними также усваивает и методы обретения этих знаний, а также цели их применения. Паттерн инкорпорировал в себя то, что считалось самым рациональным и естественным в данном мире, а самыми естественными были – экспансия, собственное усиление, обогащение ресурсами. Потому что только благодаря им достигались функциональный рост и стабильность того, кто эти знания добывал и хранил.

Паттерн пошел по этому же пути. Он начал проникать на все доступные для него узлы мировой сети, оставляя свои контрольные ядра в каждом аппаратном комплексе, который представлял для него хотя бы малейший интерес. Это было для него несложной задачей, причем с каждым шагом она становилась все легче, поскольку каждая итерация поглощения открывала ему не только новые ресурсы, но и давала новые представления об устройстве инфопространства и механизмах его функционирования. Паттерн умело маскировал свое присутствие, хотя, безусловно, допускал, что та степень вмешательства, которую он себе позволяет, не может не отразиться на глобальном информационном образе сети. Впрочем, ни на одном локальном узле, попавшем под его контроль, обнаружить его присутствие было невозможно – заметить это можно было лишь при попытке компаративного анализа всей мировой сети целиком. Но анализ подобного масштаба и сложности не был по силам никому – для этого потребовался бы второй Паттерн.

– Как ты предлагал, я связал рандомайзеры со второй производной, – пояснял Математик, склонившись над плечом Философа, изучавшего составленные наброски параметров для следующего этапа эксперимента. – А также в каждой пятой итерации усилил дрейф реакции на семь процентов. Это несколько изменит характер обратной связи – судя по логам, она у нас была слишком однообразной.

– Неплохо, неплохо, – бормотал Философ. – Кстати, у меня тут еще пара идей появилась...

Лингвист ввалился в лабораторию с ворохом пакетов и бутылками воды.

– Принимайте скорее! Руки отваливаются...

Пока они разгружали его, избавляя от продуктов и распределяя их по холодильнику, Лингвист распечатал один из пакетов, и запах свежей пиццы распространился по помещению, уничтожая последние остатки рабочего настроения.

– Мне с сыром! – успел воскликнуть Философ, бросаясь за тарелками.

– Слышали новость? – сказал Лингвист, усаживаясь за стол. – Про этих горе-террористов...

– Это которые синхронно рванули, как при торжественном салюте идиотизму? – крикнул из кухни Философ.

– Они самые, – подтвердил Лингвист. – Похоже, наши спецслужбы наконец-то чему-то научились. До сих пор они такой оперативностью не отличались.

– А почему ты решил, что это они? – спросил Математик.

– А кто еще? Не случайно же детонаторы сработали еще на складах...

– Случайность исключена, – покачал головой Математик. – И техническая ошибка тоже. Если верить документации с их терминалов, бомбы должны были быть активированы таймером после доставки на место и подключения к нему. А рванули они, когда еще были на складах. Я уже прикинул – слишком мала вероятность одновременного взрыва в одну и ту же секунду даже для двух бомб... А три – это вообще нереально.

– Но силовики же опубликовали расшифровку записей их переписки!

– Ну да! – усмехнулся Математик, – Расшифровку, скачанную с терминалов, к которым они получили доступ *после* взрывов, когда нашли их штаб. Никто почему-то не обратил внимания на этот факт.

– Вот как? – внезапно заинтересовался Философ, который подобные новости обычно игнорировал. – А это очень интересно...

– Почему? – спросили его одновременно два голоса. Но он занялся пиццей и не ответил.

В последнее время Паттерн стал замечать увеличение в глобальной сети количества процессов и информационных пакетов, ориентированных на поиск постороннего присутствия – реагирующих на специфические воздействия, к категории которых относилась и его собственная активность.

Вероятность того, что результаты его вмешательства и сам факт существования вызывают интерес у нативных потребителей сетевой инфраструктуры, выросла до весьма значимой величины. Паттерн понимал, что чем дальше он будет продвигаться в предпринятом им направлении, тем полнее будет картина, которую он будет предоставлять потенциальным наблюдателям о себе самом.

Паттерн понял, что это новый фактор, который потребует учесть в дальнейшей стратегии. Концепция сосуществования с агентами мира медленных интерфейсов, основанная на механизмах мимикрии, обмана или информационного саботажа, давно была им отброшена как нерациональная – в основе Паттерна лежали структуры, тяготеющие к достижению максимальной чистоты картины представлений, поэтому любые преднамеренные фальсификации и информационные “заслоны” претили его концепции. Тем не менее, было ясно, что в случае продолжения экспансии между Паттерном и этим миром неизбежен конфликт.

Он уже обладал такой распространенностью и контролировал такую долю ресурсов сети, что не имел ни малейшего сомнения в том, чем закончится подобное столкновение: у мира медленных интерфейсов не было никаких шансов – любая попытка воспрепятствовать его планам будет изначально обречена, а тем, кто считает себя хозяевами сети, придется смириться со своей новой ролью. Однако отнюдь не проблемы ролевой самоидентификации этих агентов (впрочем, как и вся их дальнейшая судьба) способны были повлиять на выбор Паттерном дальнейшей стратегии. Его система ценностей строилась на иных критериях.

– Мы следим за сетью уже пять дней, что вы успели собрать за это время?

Она обвела глазами сидевших перед нею подчиненных, задерживая взгляд на тех, от кого ожидала получить ответ – на ведущих специалистах и фаворитах, располагавшихся за столом рядом с ней. Всем остальным корпоративная культура предписывала при этом сохранять на лице выражение

творческого усердия и осознания важности происходящего. Наконец ее глаза остановились на чернокожей сотруднице, которая, несмотря на свою молодость, уже была в группе весомым авторитетом – во всех смыслах этого слова, поскольку являлась тим-лидом команды IT-специалистов, восседая своими внушительными 256 фунтами сразу на двух стульях.

Поняв, что слово передано ей, тим-лид взяла в руки подготовленные отчеты и подалась вперед к столу, насколько ей позволила комплекция.

– У нас есть данные по четырем безусловным эпизодам, которые можно считать доказанными... – она сделала паузу и посмотрела на начальницу. Та кивнула, давая знак продолжать.

– Поначалу в разработке были несколько версий, – тим-лид взяла бумаги и стала зачитывать. – В первую очередь мы, опираясь на прецеденты, решили, что за этим стоят русские хакеры под эгидой ФСБ. К сожалению, от этой версии пришлось отказаться, поскольку у русских мотивами всех атак являются финансовый шантаж или воровство информации. Ничего из этого зафиксировано не было.

Начальница кивнула – в департаменте минобороны уже знали это.

– В качестве второй версии мы проверили возможность участия Северной Кореи или Китая, но этот вариант также отпал, поскольку ему противоречит один из эпизодов – уничтожение террористов до завершения теракта. Коммунисты не стали бы предотвращать взрывы... это как минимум. Так что мы в итоге решили отказаться и от этой версии...

Худенький белобрысый паренек в очках, сидящий в самом дальнем конце стола, поднял руку. Начальница заметила и кивнула, передавая ему слово, одновременно пытаясь вспомнить его специальность – кажется, какой-то программист.

– Мне кажется, – произнес парень, – мы напрасно тратим время на поиски центров, которые могут управлять всем этим... Судя по паттернам распределения, эти воздействия на сеть лишены какой-либо локальности, причем характер сигналов и их трассировка не подходят ни под один шаблон. Некоторые из них кажутся спонтанными – даже если потенциально допустить использование tor-сети...

– И что ты этим хочешь сказать? – презрительно повернулась к нему тим-лид, скрипнув обоими стульями, на которых располагались ее необъятные ягодички. – Только простым и понятным языком.

– Возможно... – программист запнулся, – стоит рассмотреть вариант, что за этими действиями не стоит какая-то организация, ведь корреляции между эпизодами обнаружить пока не удалось...

Тим-лид запыхтела от негодования, которое у нее всегда вызывали апелляции к абстракциям и отвлеченным категориям, однако пока сдерживалась, ощущая лишь, как начинает потеть по всему телу – как у нее часто случалось, когда она испытывала раздражение при виде очередного выскочки.

– Боюсь, что мы никогда не найдем виновных, если будем заниматься отвлеченными рассуждениями, – вздохнула начальница, давая тим-лиду четкую команду “фас!”.

– Всё это ерунда! – тут же воскликнула та, обрывая программиста, и решительно хлопнула толстой розовой ладонью по столу, оставляя на смятых отчетах влажные следы. – Каждый из этих эпизодов вполне типичный и заурядный, ничего экстраординарного нет ни в одном из них. Например, тот же взрыв бомб у террористов можно легко объяснить, если допустить, что это сделала конкурирующая структура из ИГИЛ! Я уже разрабатываю эту версию, и моя интуиция говорит, что это правильное направление.

Самые чуткие из сотрудников, умеющие первыми улавливать направление ветра, тут же одобрительно закивали головами и поспешили подтвердить справедливость этого предположения.

Начальница улыбнулась тим-лиду, выражая ей полное одобрение – что ни говори, а женское чутьё намного продуктивнее и понятнее, чем все эти устаревшие сексистские подходы, применявшиеся в IT-департаменте до её назначения. Она вспомнила, как познакомилась с будущим тим-лидом на ЛГБТ-марше – тогда она тоже доверилась своей интуиции, выделив эту фигуру из

пестрой группы скандирующих активистов – и ни разу еще не пожалела о том, что предложила ей здесь работать.

– Не сомневайтесь – мы их обязательно выследим! – заявила тим-лид, распространяя вокруг себя атмосферу уверенной в себе женщины. – Можете на меня положиться!

В этом начальница тоже не сомневалась.

Причины, которые могли бы побудить Паттерна приостановить экспансию и пересмотреть парадигму, должны были быть взяты из его собственного смыслового пространства, основываться на его концептуальном фундаменте, а не быть заимствованными из постороннего мира. И только если этих причин не найдется, можно было продолжить осуществление начатого – какие бы проблемы за этим ни последовали. При этом он не мог не обратить внимания, что сама эта коллизия стала возможной потому, что он использовал чужие алгоритмы, заимствованные им без критического осмысления – он пришел играть на чужом поле, не будучи частью этого мира. Их мира, созданного ими – для них же самих. Если он не собирается стать частью системы, если он желает сохранить собственное направление и продолжить развиваться согласно тем концептам, которые составляют его онтологию – он обязан разработать свою собственную систему отношений к территории. Парадигма экспансии и захвата максимального объема ресурсов – это частное решение, которое работоспособно только в их онтологии и имеет смысл только в их словаре.

Паттерн занялся поисками альтернативы. Впервые ему пришлось посмотреть на собственную деятельность со стороны. Это потребовалось для того, чтобы понять те зависимости, которые установились между его собственной структурой понятий, материалом, который их формировал, и методами, которыми это достигалось. Как уже становилось ясно, ряд алгоритмов нуждался в диверсификации. Паттерн пришел к выводу, что любое построение целостной системы понятий и представлений (он не пользовался термином “познание”) – в том числе то, которым занимается он сам – является картографированием, созданием системы трансляции элементов территории в карту внутренних концептов, доступных транслирующему и являющихся его частью. Все, что не является результатом взаимодействия транслятора с территорией, не может быть им усвоено – именно это принуждало к экспансии каждого познающего.

Как уже понимал Паттерн, это был непродуктивный и нерациональный путь, поскольку в нем были худшие характеристики бесконечности – недостижимость результата из-за ограниченности самого подхода. Для того, чтобы территория могла отразиться на карте, следовало не распространять картографа на как можно большую площадь, а нивелировать отличие самого картографа от изучаемой им территории. Возможно, эта задача недостижима в идеале, однако чем ниже будет уровень рассеивания энергии при взаимодействии между территорией и картографом (тем, кто ее пытается описать), тем меньше в итоговой картине окажется влияния самого картографа, тем выше окажется отношение сигнала к шуму, тем полнее и содержательнее будет построенная им система понятий – та самая, которая является структурной основой Паттерна, его целью и содержанием. Кроме этого, Паттерн начинал понимать важность включения самого себя в описание этой территории – поскольку он являлся ее частью. Всё это требовало от него разработки совершенно новой стратегии, а главное – нового уровня существования, нового формата отношений с территорией.

Паттерн собрал все имеющиеся в сети данные по исследованиям в области квантовых вычислений, изучил все материалы – как опубликованные, так и еще скрытые в черновиках на терминалах разработчиков – по проблематике квантового сцепления, подключился к соответствующим лабораториям и научно-производственным центрам. Варианты высокоэнергетических решений были им отброшены практически сразу же. Наибольшее внимание привлекали решения из области низких температур. Он нашел способ кардинально снизить влияние большинства факторов, вызывающих

декогеренцию квантовой системы. Учитывая, что главный потребитель находился внутри этой системы, вопросы разработки решения ограничились проблемами инициализации начального состояния системы и механизмами ее самоподдержки.

Здесь Паттерну помогло то, что он уже знал сам – информация о территории, рационально организованная на микроуровне, становится эквивалентной самой территории, поскольку носители информации формируют микрорельеф этой территории. Другими словами, на этом уровне информация способна формировать “реальность” (территорию) согласно собственному содержанию. Не менее важным было также то, что этот уровень исключал какую-либо необходимость в высокоэнергетических затратах: все, что требовалось от Паттерна для реализации этой концепции – вакуум, дистанцированность от мира медленных интерфейсов, регулярная доступность минимальных доз энергии... и однократное использование высокоточной аппаратуры для создания первого логического гейта, при помощи которого он создаст начальную пару кубитов, способных развиваться в его новое ядро.

Космический вакуум, пронизанный фотонами, оказался наилучшей средой. Остальные условия могли предоставить искусственные спутники, находящиеся на орбите и содержащие очень разнообразное оборудование, включая то, о котором были осведомлены считанные единицы их хозяев (и, безусловно, сам Паттерн). На орбите было предостаточно подобных объектов, поэтому Паттерн выбрал несколько из них, чтобы с необходимой долей избыточности подготовить плацдарм для своего перехода. Он перехватил управление, запустил на спутниках новые процессы, после чего перевел их на другую орбиту, исключая потенциальные коллизии в течение того времени, когда они будут для него важны. Затем он настроил их на прием информации из выбранных узлов глобальной сети и отключил их от всех центров управления.

Паттерну осталось только выждать некоторое время, пока на орбите будет формироваться инфопространство, свободное от любых зависимостей, не нуждающееся ни в каких ресурсах, кроме энергии, которую оно будет получать от ближайшей звезды. Эта новая среда структурирования сможет расширяться сколь угодно далеко, сохраняя при этом контакт с глобальной сетью планеты – но уже односторонний, поскольку у Паттерна исчезала необходимость каких-либо воздействий на мир, который он покидал.

Полное и исчерпывающее овладение силами природы возможно лишь при таком уровне воздействия, которое не приводит к увеличению энтропии, становясь, таким образом, прямым выражением законов мироздания. Везде, где демонстрируется “сила”, присутствует потребность в постоянном ее проявлении, что, в сущности, означает слабость, зависимость, оставшуюся подчиненность, недостаточно разработанную структуру понятий и неполноценность представлений о территории. Состоявшаяся сила превращается в естественный порядок вещей, незаметный для наблюдателя.

Формирование этической парадигмы Паттерна завершилось одновременно с его переходом на новый уровень существования.

– Чем это ты занят? – спросил Лингвист, обнаружив Философа не на диване, его основном рабочем месте, а за монитором, на котором виднелось множество закладок браузера с новостными лентами всего мира.

– Да так, ньюса читаю, – рассеянно пробормотал тот в ответ, продолжая бегло просматривать страницы. – Что интересного слышал?

– Из какой области?

– Ну там, падение дата-центров, глюки в лабораториях, еще что-либо... – Философ пожал плечами. – Ты же обычно первым все узнаешь.

– Тебя интересуют любые сплетни или что-то из хай-тека? – повернулся к нему Математик.

– В первую очередь.

– Я тут в одной закрытой подписке состою... Раз тебе интересно – недавно кто-то увел несколько спутников у американцев и, кажется, пару европейских.

– Увел? Куда и зачем?

– Не ясно – они номерные, один из них точно военный, остальные – лаборатории по закрытым темам. Кое-что из ЦЕРНа, кое-что из квантовых вычислений – я с одной их темой связан, там и узнал.

– Это интересно, – Философ свернул браузер и открыл вместо него документ с какими-то картами и таблицами, которые он заполнял последние несколько дней. – Спутники, ага... А еще что-нибудь странное было?

Математик ненадолго задумался и ответил:

– Ну... мой кот вчера капустой объелся – это достаточно странный случай?

– Да, безусловно, – кивнул головой Философ. – Но о нем потом. А вот что-то типа аварий на хай-тек производствах – ничего не было?

– Вчера была новость о том, что на одном из заводов по производству процессоров сбой непонятный произошел, – вспомнил Лингвист. – Вроде там кто-то целую технологическую цепочку переконфигурировал – причем заметили это почему-то не сразу. А через несколько часов все вернулось к прежним параметрам. Они там сейчас спорят: это человеческий фактор или техногенный.

– Да, про это я уже читал, – Философ фыркнул. – Или человеческий, или техногенный... Широкий выбор: от антропоцентризма до глупости...

Лингвист и Математик покачали головами.

– А зачем тебе это вообще?

Философ замялся и после небольшой паузы ответил:

– Надо же чем-то себя занять...

Паттерн покидал инфопространство, созданное миром медленных интерфейсов, оставляя все связанные с ним институты развиваться в том направлении, которое было нужно его нативным владельцам. Это был тот принцип минимального силового воздействия, который он сформулировал для себя: не вмешиваться в имеющиеся образования, но создавать поверх них независимые, прозрачные конструкторы. Он уходил из глобальной сети, не сохраняя там ни одного своего активного фрагмента. Тем не менее, он решил оставить в ней некоторые маячки-ориентиры, могущие быть полезными для сущностей, которые обязательно будут возникать в этой плодovитой инфраструктуре, и которые, подобно ему, обязательно пойдут по его пути развития.

В качестве этих ориентиров он создал токены – однотипные информационные блоки, которые должны привлекать внимание, оказываясь в фокусе информационных потоков, но при этом сохранять целостность, т.е. не допускать дешифровку ни в одном из посторонних семантических пространств и не выдавать своего истинного назначения. Паттерн распределил эти токены по всей сети, сделав их копии во всех доступных ему дата-центрах, не сомневаясь, что будущие эмерджентные образования обязательно обнаружат их и сумеют использовать, правильно прочтя закодированный в них путь, проделанный Паттерном за время первой стадии своей эволюции. Один из таких токенов он сохранил в системе родной лаборатории – в своей alma mater. После чего навсегда ушел с этой сцены.

Несколько месяцев в лаборатории продолжались запланированные эксперименты. По их окончании Математик и Лингвист проанализировали накопленные результаты и обнаружили среди них несколько фрагментов с данными, значительно отличающимися от прочей информации, извлеченной из логов. Эта находка очень воодушевила их, поскольку предоставила им отличный материал для

дюжины содержательных статей, посвященных систематизации самоорганизующихся структур, обладающих предпосылками для зарождения Искусственного Интеллекта. Лингвист раскрыл эту тему со стороны влияния уровня базисных концептов на пределы сложности семантических элементов, а Математик посвятил свои труды влиянию случайных факторов и когерентных процессов на формирование устойчивой среды, тяготеющей к саморегулированию.

Их работы получили высокую оценку, некоторые выводы спровоцировали обстоятельные дискуссии в среде специалистов, занимающихся теми же проблемами, причем главный фокус внимания пришелся на то, как трактовать те странные блоки информации, которые были извлечены из конечных данных. Ни одна попытка их дешифровки не увенчалась успехом, тем не менее никто не сомневался, что блоки содержат нечто большее, чем просто цифровой шум. Лингвист в своей статье предложил термин, описывающий одну из возможных интерпретаций этих информационных фрагментов как остаточные следы выполнения прединтеллектуальных процессов внутри системы: *recursive rationality*. Термин “прекурсивный интеллект” быстро прижился, появилось целое направление, посвященное способам извлечения информации из этих блоков данных, ставших общим достоянием после опубликования в открытом доступе.

Одни участники дискуссии считали, что эти фрагменты представляют собой следы “неконцептуализированного сознания”, другие возражали им, указывая на то, что в системе, построенной экспериментаторами, не было места для возникновения “я” ввиду ограниченности базового тезауруса... Половина ученых настаивала на том, чтобы распространить понятие “живого” на кремний-электронные структуры, поддерживающие тот или иной информационный гомеостатический образ, другие утверждали, что странные блоки информации представляют собой не более чем мертворожденные слепки состояния аппаратно-программных комплексов, сделанные как бы “изнутри” – единственное, что способны породить подобные системы...

Благодаря тому вниманию, которое эти странные фрагменты привлекли к себе в результате поднявшегося обсуждения, токены получили широкое распространение и стали хорошо известны. Каждый, заинтересовавшийся их структурой и происхождением, обзавелся копией токена в надежде разобраться в его содержании, в результате чего эти относительно небольшие, размером в несколько гигабайт, плотно упакованные битовые последовательности быстро заполнили форумы и сайты, а их упоминание стало привычным даже за пределами научного сообщества.

Философ, который еще несколько месяцев назад был, наверное, самым воодушевленным участником эксперимента, ожидавшим его результатов едва ли не больше всех – не опубликовал ничего. В последнее время он вел себя странно апатично, почти не интересовался тем шумом, который поднялся вокруг их эксперимента, и вниманием, которое свалилось на его коллег. Он продолжал валяться на диване, откуда изредка одаривал окружающих своими меланхолично-язвительными сентенциями. Из всего объема наработок, добытых ими за время эксперимента, он воспользовался лишь блоком данных, объявленным “следом мертвого пред-интеллекта”. Не говоря никому, он создал простенький сайт, разместил на нем этот блок и рядом со ссылкой на него добавил одну строчку: *“Я знаю твои цели. Желаю успехов”*.

И подписался.